

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 152–162
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 152–162
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-152-162>, EDN: DTXMOK

Научная статья
УДК [355.48:316.4](470+571)(09):005.573

Дискуссия по поводу статьи Е. В. Воейкова «Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса»

В. Н. Данилов¹, П. С. Кабытов², Е. П. Барина², С. В. Любичанковский³, А. П. Мякшев¹, А. Л. Стризое⁴, Е. И. Демидова⁵

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 411012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

³Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19

⁴Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, д. 100

⁵Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, daniilovik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Кабытов Пётр Серафимович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой российской истории, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236

Барина Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, rfnz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, AuthorID: 269201

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, svlubich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>, AuthorID: 372365

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367

Стризое Александр Леонидович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Российской государственности, социологических и политических наук, strizoe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>, AuthorID: 444200

Демидова Елена Игоревна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и философия», demidova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0298-355X>, AuthorID: 738949

Аннотация. В статье представлена дискуссия по поводу статьи доктора исторических наук Евгения Владимировича Воейкова по проблеме влияния степени единства общества России на ход военных конфликтов и целостности страны в кризисных ситуациях, организованная редакционной коллегией журнала. В центре внимания выдвинутая автором идея «раскола» в качестве системного фактора российской истории. Обсуждаемые вопросы являются чрезвычайно актуальными как для исторической науки, так и для понимания современных общественных процессов.

Ключевые слова: Россия, история, власть, общество, единство, раскол, войны, кризисы, концептуальная модель

Для цитирования: Данилов В. Н., Кабытов П. С., Барина Е. П., Любичанковский С. В., Мякшев А. П., Стризое А. Л., Демидова Е. И. Дискуссия по поводу статьи Е. В. Воейкова «Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 152–162. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-152-162>, EDN: DTXMOK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Discussion on E. V. Voyeykov's article "The split in Russian society as a factor in the Russian historical process"

V. N. Danilov¹, P. S. Kabytov², E. P. Barinova², S. V. Lyubichankovskiy³, A. P. Myakshev¹, A. L. Strizoe⁴, E. I. Demidova⁵

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Samara National Research University, 34 Moskovskoe shosse, Samara 443086, Russia

³Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia

⁴Volgograd State University, 100 Universitetsky Avenue, Volgograd 400062, Russia

⁵Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnikeskaya St., Saratov 410054, Russia

Viktor N. Danilov, daniilovik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Petr S. Kabytov, don.kabytov2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, AuthorID: 591236

© Данилов В. Н., Кабытов П. С., Барина Е. П., Любичанковский С. В., Мякшев А. П., Стризое А. Л., Демидова Е. И., 2026

Ekaterina P. Barinova, rfnz25@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, AuthorID: 269201
Sergey V. Lyubichankovskiy, svlubich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>, AuthorID: 372365
Anatoly P. Myakshev, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, AuthorID: 391367
Aleksandr L. Strizoe, strizoe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>, AuthorID: 444200
Elena I. Demidova, demidova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0298-355X>, AuthorID: 738949

Abstract. The article presents a discussion on the article by Evgeny Vladimirovich Voyeykov, Doctor of Historical Sciences, on the issue of the influence of the degree of unity of Russian society on the course of military conflicts and the integrity of the country in crisis situations, organized by the editorial board of the journal. The focus is on the author's idea of "split" as a systemic factor in Russian history. The issues discussed are highly relevant for both historical research and understanding contemporary social processes.

Keywords: Russia, history, power, society, unity, division, wars, crises, conceptual model

For citation: Danilov V. N., Kabytov P. S., Barinova E. P., Lyubichankovskiy S. V., Myakshev A. P., Strizoe A. L., Demidova E. I. Discussion on E. V. Voyeykov's article "The split in Russian society as a factor in the Russian historical process". *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 152–162 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-152-162>, EDN: DTXMOK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вступительное слово

В. Н. Данилов,

доктор исторических наук, профессор

Уважаемый читатель! Вы ознакомились со статьей доктора исторических наук, профессора Пензенского государственного университета Евгения Владимировича Воейкова, которая поступила в наш журнал. В статье автор попытался показать свое видение проблемы влияния степени единства общества в России на ход военных конфликтов и целостности страны в кризисных ситуациях. Актуальность проблемы единства российского общества в современных условиях, когда противостояние России и Запада перешло в военную фазу и вновь возникла угроза существованию российской цивилизации, бесспорно, является важной. В данной публикации анализируется феномен «раскола» в качестве некоего системного фактора российской истории. Это интересный подход, но требующий критического осмысления.

Е. В. Воейков рассматривает раскол не как случайное или периферийное явление, а как постоянную величину, во многом определяющую вектор исторического развития России, особенно в переломные, кризисные эпохи. Автор не ограничивается констатацией известных исторических событий (Смута, революции 1917 г., распад СССР), а предлагает некую модель, связывающую степень единства общества с конкретными историческими исходами: победой или поражением в войнах, сохранением или распадом государственности. Центральным аргументом статьи является тезис о том, что военные успехи и неудачи России часто невозможно объяснить лишь военно-техническими или тактическими причинами. В качестве «полигона» для проверки этой гипотезы автор избирает два ключевых конфликта: Отечественную войну 1812 г. и Крымскую войну 1853–1856 гг. Эта модель экстраполируется и на другие периоды: единство общества в Великую Отечественную войну стало залогом Победы,

а нарастание «векторов раскола» в 1980-е гг. предопределило распад СССР. Однако возникает закономерный вопрос: не является ли предложенная схема излишне универсальной и редукционистской? Сводя сложнейшие исторические процессы (распад СССР, исход войн) преимущественно к фактору внутреннего раскола, автор неизбежно упрощает многопричинную палитру истории.

Редколлегия журнала обратилась к видным специалистам с просьбой принять участие в дискуссии по затронутым в статье вопросам. На нашу просьбу откликнулись доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой российской истории Пётр Серафимович Кабытов и доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Екатерина Петровна Барина (Самарский национальный исследовательский университет имени С. П. Королева); доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Сергей Валентинович Любичанковский (Оренбургский государственный педагогический университет); доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии Анатолий Павлович Мякшев (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского); доктор философских наук, профессор, профессор кафедры Российской государственности, социологических и политических наук Александр Леонидович Стризое (Волгоградский государственный университет), Демидова Елена Игоревна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и философия» (Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.). В целом можно констатировать, что работа стимулирует к дальнейшим размышлениям о роли социальной солидарности в истории России, а поднятые в ней вопросы являются чрезвычайно актуальными как для

исторической науки, так и для понимания современных общественных процессов. Предложенный автором подход заслуживает внимания и может стать плодотворной основой для последующих, более детальных и сбалансированных исследований.

Можно ли предотвратить смуты и революции?

П. С. Кабытов,

Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор

Е. П. Барина,

доктор исторических наук, профессор

Статья посвящена актуальной проблеме, в центре которой взаимоотношения власти и общества на различных этапах российской истории. Автор пытается выяснить влияние различных факторов, способствующих «расколу», в ходе которого в России возникают смуты и революции. Сразу же отметим, что статья весьма дискуссионная. Её вполне можно отнести к публицистике.

Автор утверждает, что раскол российского общества является ключевым фактором, определяющим ход русской истории, влияющим на исход войн и целостность государства в кризисные периоды. Он полагает, что проявления раскола охватывают несколько направлений: экономическое неравенство, социальные противоречия, конфликт власти и различных слоев общества, деградацию элиты и, как следствие, предательство ею национальных интересов. Раскол проявляется как в дискуссиях о направлениях исторического развития, модернизации страны, в конечном счете выборе путей общественного развития страны, так и находит выражение в национальных конфликтах.

Используя обширный исторический материал, автор при помощи образа «резонанс» нескольких параллельных расколов выявляет воздействие раскола в обществе на исторические события. В качестве аргумента приводятся исторические эпизоды, где итоги той или иной войны или кризиса были во многом генетически связаны со степенью единства общества. Автор акцентирует внимание на роли личного героизма отдельных деятелей и массового духа. Он рассматривает влияние факторов на возникновение смут и революций: состояние верховной власти, а также отмечает роль внешних факторов.

Автор опирается на широкий спектр источников: военно-историческая литература, теории Н. Я. Данилевского и Л. Н. Толстого о культурно-историческом коде русского народа, а также исторические хроники о конкретных конфликтах: Отечественная война 1812 г., Крымская война, Великая Отечественная война и т. д.). Однако отсутствует критический анализ источников и оценка их репрезентативности.

В тексте используется сравнительный подход: сопоставляются эпохи и конфликты, время, когда наблюдалось сильное единство общества и когда расколы влияли на ход и итоги военных действий. Конечно, очень важно было бы показать читателям как происходила эволюция понятия раскола во времени. К достоинствам статьи относится комплексный подход: автор предпринимает попытку связать социально-политические процессы внутри страны с итогами войн, а также стремится показать долговременные тенденции в российской истории. Примеры из разных эпох позволяют увидеть повторяемость паттернов и отделить временные особенности от устойчивых тенденций.

Статья сочетает аналитическую реконструкцию причин и следствий раскола с примерами конкретных военных кампаний. Приводя аргументы, автор основной упор делает на корреляцию между расколом и исходами войн, но причинно-следственные связи в таких сложных исторических процессах почти всегда множественные и взаимозависимые (экономика, технология, дипломатия, лидерство, случайности). В статье недооценена роль внешних факторов и динамики экономических и политических процессов, что приводит автора к детерминированным выводам, без учета реальных трактовок.

Используя выборочный характер примеров, автор иллюстрирует свои выводы наиболее подходящими, игнорируя те из них, которые не вписываются в схему автора. Приведем в качестве подтверждения возможные контрпримеры, которые не рассматриваются автором статьи: победа в Северной войне (1700–1721) была достигнута в условиях жесточайшего социального раскола и усиления государственного гнета. Отсутствие единства в обществе не помешало одержать победу за счет военных реформ и мобилизационных усилий государства.

Автор последовательно проводит мысль: единство ведет к победе, раскол к поражению и/или распаду страны. Однако он не доказывает, что именно единство или раскол были первопричиной, а не одним из многих факторов. Например, говоря о Крымской войне, автор справедливо отвергает тезис о техническом отставании, но сводит причину поражения к расколу. При этом он почти не анализирует другие ключевые факторы: дипломатическую изоляцию России, устаревшую систему военного управления. Для него «раскол» становится универсальной инструментом, что подменяет сложный, многофакторный анализ исторических событий.

К тому же ключевые понятия статьи, «раскол» и «единство», не имеют операциональных определений и практически не подвергаются измерению при оценке этих явлений. «Единство»

измеряется через «массовый героизм», а «раскол» – через «пассивность» или «коррупцию», «предательство элит». Это слишком субъективные и обобщённые критерии. Достаточно сложно оценить, когда «раскол» переходит в критическую фазу или что власть должна предпринять для достижения национального согласия и единства. Вероятно, здесь можно было бы указать на то, что реформы могут предотвратить смуты и революции. И, конечно, очень важно дать операциональные определения, показатели (например, уровень политического доверия, экономическое неравенство, степень региональной идентичности) и пороги для классификации, структурировать критерии измерения «единства» и «раскола», чтобы повысить научную значимость выводов.

Подчеркивая роль духовного и морального единства, которое Н. Я. Данилевский и Л. Н. Толстой трактовали как ключ к победам в войнах, автор пытается проследить применение дефиниций «нравственный дух» и «дисциплинированный энтузиазм» к современной эпохе.

Использование метода аналогий, несмотря на его продуктивность, без учета исторического контекста и фундаментальных различий эпох приводит автора к игнорированию уникального комплекса экономических, политических и международных причин каждого кризиса. Автор не декларирует свою методологию. Опираясь на историческую аналогию и казуальную корреляцию, он не доказывает свои выводы строгими методами, а последовательно отстаивает свою историософскую концепцию. Причем авторская трактовка тех или иных исторических событий зачастую выдается за объективную истину. Например, объяснение победы в Отечественной войне 1812 г. как «неестественной» и «сказочной», которая была осознана современниками, достаточно спорная и ничем не подкрепляемая психологизация исторических событий.

При анализе современных событий приводятся личные впечатления автора и отдельные интервью, что недостаточно для столь масштабных выводов о состоянии общества. Параллели с современностью, приводимые автором, требуют осторожности и более детального анализа структурных изменений в экономике, политике и медиа окружении. Отсутствует попытка *квантификации*, например, анализ социальной статистики, протестной активности, настроений в прессе, что могло бы придать аргументам научную строгость.

Статья актуализирует проблему консолидации общества в условиях современного военного конфликта, стимулирует дискуссию о соотношении материальных и духовных факторов в истории России. Социальное единство действительно является важным, но не единственным фактором военных успехов. Автор

справедливо указывает на важность морально-психологического фактора в войнах России, но абсолютизирует его значение.

Статья представляет собой скорее эссе с сильным публицистическим и отчасти идеологическим уклоном, нежели академическое исследование. Ее ценность заключается не в методологической строгости, а в постановке актуальной проблемы, попытке заострить внимание на роли социокультурного единства в истории России.

Полемические заметки о «расколе» как факторе российской истории

С. В. Любичанковский,
доктор исторических наук, профессор

Статья Е. В. Воейкова «Раскол российского общества как один из факторов российского исторического процесса» представляет собой смелую и во многом провокационную попытку объяснить ключевые повороты отечественной истории через призму социального единства или его отсутствия. Автор предлагает убедительную на первый взгляд схему: когда общество консолидируется – Россия побеждает (1812, 1941–1945), когда раскалывается – терпит поражение или распадается (Смута, Крымская война, 1917, 1991). Однако при всей привлекательности этой концепции она вызывает ряд серьезных вопросов и требует критического осмысления.

1. Слишком широкое понятие – слишком узкие выводы

Воейков трактует «раскол» чрезвычайно широко: от религиозных споров XVII в. до конфликта «центра и регионов» в современности. В этот перечень попадают сословные, имущественные, идеологические, национальные и даже управленческие противоречия. Такой подход, с одной стороны, демонстрирует многогранность проблемы, но с другой – превращает «раскол» в универсальную отмычку, объясняющую всё что угодно. Возникает ощущение, что любая трудность в истории России автоматически объявляется следствием раскола, а любой успех – следствием его преодоления. Это создаёт риск тавтологии: мы определяем наличие раскола по факту поражения, а факт поражения объясняем наличием раскола.

Более того, подобная логика игнорирует другие, не менее важные факторы: экономические, технологические, военно-стратегические, международные. Например, поражение в Крымской войне автор объясняет, прежде всего, внутренним раздором, сводя на нет техническое и тактическое превосходство союзников. Но можно ли всерьёз утверждать, что паровые корабли, нарезные ружья и лучшая логистика

противника не играли решающей роли? Описывая воровство интендантов, Воейков, безусловно, указывает на важную болезнь общества, но была ли эта болезнь главной причиной падения Севастополя – дискуссионный вопрос. Скорее, она была одним из симптомов общего кризиса имперской системы, который проявлялся и в технической отсталости, и в неумелом командовании.

2. «Чудо» 1812 года: единство или стратегия?

Особого внимания заслуживает трактовка Отечественной войны 1812 г. как примера преодоления раскола. Бесспорно, патриотический подъём сыграл огромную роль. Однако сводить победу над Наполеоном почти исключительно к «мнению народному» и «дисциплинированному энтузиазму» – значит упрощать историческую реальность.

Гораздо более убедительной выглядит версия, что Россия победила благодаря грамотной, хотя и спорной, стратегии Барклая де Толли и Кутузова – стратегии отступления, «скифской войне», выжженной земле и партизанским действиям. Это была победа не столько духа, сколько расчёта и терпения. Массовый героизм был ответом на эту стратегию и на вторжение иноземного врага, но он не был её первоисточником. Более того, единство 1812 г. было недолгим и поверхностным: уже в 1825 г. часть дворянской элиты вышла на Сенатскую площадь с требованиями перемен, что свидетельствует о том, что глубинные противоречия никуда не делись.

3. Советский опыт: мобилизационное единство как системный проект

Анализ Великой Отечественной войны в статье также вызывает дискуссию. Воейков справедливо отмечает невероятную сплочённость советского народа. Однако интерпретация этого единства как преодоления «вековых расколов» благодаря новому общественному строю требует уточнения. Феномен единства 1941–1945 гг. был результатом не стихийного и безвозвратного исчезновения старых противоречий, а масштабной и целенаправленной мобилизации, осуществленной государством.

Советская система к 1941 г. обладала мощными инструментами консолидации: это и централизованная идеология, формулирующая общие цели, и плановая экономика, способная перебрасывать все ресурсы на нужды фронта, и развитая система пропаганды. В условиях экзистенциальной угрозы государство сумело активировать эти механизмы, выдвинув на первый план не классовые или сословные различия, а общую идентичность – защитников Родины.

Таким образом, единство военных лет стало следствием не столько автоматического «сня-

тия» вековых расколов, сколько результатом беспрецедентной по своим масштабам управленческой работы по их временному подчинению единой национальной задаче. Конфликт власти и общества, который автор справедливо называет «вечным и неизбежным» для России, в этот период не исчез, но был отодвинут на второй план перед лицом общей опасности. Это демонстрирует, что в российской истории объединение достигается не только органично, «снизу», но и может быть результатом мощного системного усилия «сверху» в кризисный период.

4. Современность: можно ли измерить раскол линейкой?

Наиболее спорной представляется попытка автора применить свою схему к современным событиям, в частности к Специальной военной операции на Украине. Утверждения о том, что «Россия вступила в СВО в условиях расколотого по многим векторам общества», а ход событий 2023–2025 гг. демонстрирует «ослабление степени раздробленности», выглядят крайне субъективно. Как измерить эту степень? Бегство части интеллигенции и призывников – это показатель раскола или, напротив, естественного отсева в условиях кризиса? Проведение массовых праздников в военное время можно трактовать и как проявление «нормальности», и как оторванность элит, и как форму психологической борьбы.

Подобные оценки, не подкреплённые серьёзной социологией, рискуют стать не научным анализом, а публицистикой. Опасность концепции в её потенциальной инструментализации: она позволяет объявить любую критику власти или инакомыслие проявлением «раскола», который ослабляет страну в «момент тяжёлых испытаний». Таким образом, призыв к единству может легко трансформироваться в требование к единомыслию.

Заключение: Не раскол, а поиск баланса

Вместо того чтобы рассматривать российскую историю как маятник между «расколом» и «единством», возможно, продуктивнее видеть в ней постоянный поиск баланса между конфликтующими интересами, ценностями и группами. Раскол – не внешний фактор, а имманентное свойство любого сложного общества. Уникальность России не в том, что ее общество периодически раскалывается, а в том, какими катастрофическими или, наоборот, создательными бывают последствия поиска выхода из этих расколов.

Концепция Е. В. Воейкова полезна как напоминание о важности социальной солидарности. Однако она не должна становиться универсальным ключом, подменяющим собой многогран-

ный и сложный исторический анализ. История учит, что подлинная сила государства – не в временном и зачастую вынужденном единстве, а в способности создавать устойчивые институты, которые могут управлять конфликтами, а не просто подавлять их во имя грядущей победы.

Раскол – фактор или метод?

А. П. Мякшев,

доктор исторических наук, профессор

Вряд ли можно оспорить «заглавное» положение статьи о значимых характеристиках русской социальной истории XVII–XX вв., которые автор квалифицирует как «основные векторы раскола российского общества». Представляется, что все заявленные сущностные черты «раскола» легко можно свести к перманентному, периодически переходящему из латентного состояния в горячую фазу и наоборот, конфликту между русским народом и российскими элитами (малоимущими и зажиточными, высшими и низшими сословиями, властью и обществом, сторонниками и противниками традиционных ценностей, считающими эталонным «русское» и ментально подчинившимися западным стандартам жизни). В этой связи из обозначенного ряда «векторов раскола» выбивается пятый по списку «национальный вопрос», поскольку как «еврейские погромы», так и борьба с международным терроризмом на территории Чеченской Республики были призваны бороться с центробежными тенденциями в государстве и объективно были направлены на консолидацию общества и укрепление государственного единства.

А вот с определением раскола «как постоянно действующего фактора российского исторического процесса» вряд ли можно согласиться, поскольку традиционно понятие «фактор» предполагает некую движущую силу, по крайней мере, условие, которое способно оказывать решающее воздействие на ход и направление исторического процесса. В данном случае возражение против декларируемого тезиса «раскол – фактор» укладывается в логику профессора Преображенского из «Собачьего сердца»: «Что такое эта ваша разруха? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не существует!». И ответ на вопрос о «расколе – факторе» также можно сформулировать словами выдающегося советского писателя: раскол «сидит не в клозетах, а в головах!». Иными словами, тезис о социальном расколе как факторе, определяющем русский исторический процесс, есть закономерный результат торжества «постмодернизма» в исторической науке, когда интерпретация суммирует только те исторические факты, которые укладываются в очерченную тем или иным

автором схему. Поиск решающего, «всё объясняющего» фактора предпринимался историками неоднократно, но всегда с одинаковым разочарывающим итогом.

На наш взгляд, более продуктивен, вследствие этого более объективен, подход, согласно которому понятие «раскол» имплементируется как метод, как способ достижения определенных политических целей. Используя данный контекст, вряд ли возможен вывод о расколе как о «врожденной», ментальной, системообразующей характеристике российской истории. И, наоборот, при применении термина «раскол» легко обнаружить в русской истории доказательство крайней эффективности данного метода как определенной последовательности действий, направленной к разрушению самого феномена российского государства-цивилизации. Причем как раз военные конфликты России служат убедительным доказательством того, что раскол – это сугубо внутривнутриполитическое оружие, «взрывающее» общество и государство изнутри и исподволь, но обязательно после того, как военным путем этого достичь не удавалось. Два вызова Запада в форме Первой и Второй мировых войн были парированы российским государством-цивилизацией, нашедшим в качестве успешного ответа в первом случае – пересборку Российской империи в советскую федерацию и попытку осуществления великого эксперимента по учреждению «социальной справедливости», во втором – создание сверхдержавы и технологическое лидерство. В мирных условиях, однако, политические технологии, применяемые под консолидированным названием «раскол» (собственно, довольно четко выделенных автором в форме «векторов раскола») деструктивными силами Запада и поддержанные местными властными элитами, дают феноменальный разрушительный эффект. С научной точки зрения актуализация термина «раскол» оправдана, при этом перспективна – с политической.

Реализация Западом плана «Ост» не военным путём, а в период послевоенного сбалансированного параллельного сосуществования двух мир-систем – россиоцентричной и капиталистической (англо-саксонской) – самое убедительное доказательство того, что «раскол» – политическая технология, но никак не условие либо фактор российского исторического процесса. Представляется, что для сокрытия главной цели (по словам Зб. Бжезинского, «против России, за счёт России, на руинах России») термин «раскол» был подменен понятием «холодная война». И если фашистская идеология (существовавшая в 1930-е гг. в Европе и мире повсеместно в формах нацизма, итальянского фашизма, усташизма, фалангизма, даффизма, салазаризма, хортизма, бандеровщины и т. д.)

стала решающим фактором создания «европейского союза – Третьего рейха», то его главным оружием стал раскол государств и народов.

Перед Россией встала угроза не только тотального уничтожения (законодательное закрепление факта «геноцида советского народа» произошло только 21 апреля 2025 г.), но и угроза расчленения её исторической территории и уничтожения идентичности как этносов, входящих в единое государство, так и родившейся накануне Великой Отечественной войны и стремительными темпами формирующейся уникальной «новой исторической общности – советский народ». Коллаборационизм (если следовать классификации автора – «вектор раскола»), ставший одним из факторов объединения в фашистский «европейский союз» (чего стоит только французский вишистский суверенитет!), в Советском Союзе был подавлен своевременными, правда, крайне жестокими методами.

Прерванная в современной российской и победившая в постсоветской историографии «линия оправдания» в отношении коллаборационистского движения, и как следствие, выдвижение на первый план концепции «депортация – геноцид», является, на наш взгляд, банальной информационной манипуляцией, углубляющей раскол как внутри России, так и между РФ и бывшей её «цивилизационной периферией». Концептуализация понятия «раскол в русской истории» позволяет характеризовать депортацию как политику устранения из системы российского государства-цивилизации вредоносных и исключаяющих её успешное функционирование элементов, «пересборку» этих элементов в новых условиях и на «ментально чужих» территориях с целью их повторной инкорпорации в развивающуюся социокультурную общность. Неслучайной представляется и западная интерпретация этого драматического сюжета русской истории, делающая акцент на преступности замысла («огульные обвинения»), запредельную жестокость при выселении и перемещении народов (миф о «значительной части умерших в пути»), беспрецедентности «превышения смертности над рождаемостью» (практически повсеместно в спецпоселениях рождаемость превысила смертность в конце 1940-х гг.).

Вполне закономерным для технологии «раскола» стала «раскачка» национальных движений в диссидентстве, абсолютное игнорирование факта сохранения генофонда народов (переселяли семьями), чрезвычайных условий, в которых проводилась депортация (попытка устранения России из мирового геополитического порядка, геноцид советского народа, военно-стратегическая мощь объединенного европейского фашизма), превентивный характер действий советского руководства (с момента прихода к власти

Гитлера реально рассматривались планы «замещения» на белорусской территории в ходе будущей войны с СССР местного населения на «волжских немцев»). Всё это позволило деструктивным силам накануне распада Советского Союза ввести в действие мощный механизм «раскола» и дезинтеграции – Закон о реабилитации репрессированных народов.

Представляется, что понятие «раскол» вполне применимо в качестве объяснительного механизма. С помощью подобной мыслительной конструкции возможна «расшифровка» многих важных сюжетов, недостаточно «обеспеченных» историческими источниками. Как попытка взорвать внутриэлитное единство, установившееся в сталинском руководстве в конце 1930-х гг., может быть охарактеризовано «Ленинградское дело» 1948–1949 гг. Устранение выдвинутых А. А. Жданова, прямо и открыто ставящих вопрос консолидации Советского Союза вокруг исторической России, а также Н. А. Вознесенского, одного из практиков и теоретиков советской экономики как единого хозяйственного комплекса, управляемой и направляемой из единого центра – Госплана, по сведениям некоторых исследователей, проводилась в рамках организованной ЦРУ операции «Split» («раскол», «расщепляющий фактор»).

Возможно, решение А. Н. Косыгина вместо внедрения «глушковской» системы ОГАС (прототипа современной «нейросети», своеобразный «цифровой Госплан») начать реформу 1965 г. по рекомендациям малоизвестного харьковского экономиста Е. Г. Либермана объясняется его «ленинградским страхом» перед перспективой очередного раскола внутри властной элиты. Соглашаясь с основным постулатом Либермана о необходимости сделать «прибыль» главным показателем успешной работы отдельного предприятия, Алексей Николаевич не мог не понимать, что тем самым запускался печально знаменитый механизм советской затратной экономики – «чем выше себестоимость, тем выше прибыль». Не являлась ли «либерманнизация» страны реализацией плана «Split-2» («раскол», «расщепление» советской экономики)? Косыгин мог уже к концу 1970-х гг. наблюдать, как народное хозяйство становилось неуправляемым, экономика работала уже не как единый организм, а как совокупность предприятий. В конечном счёте возобладали не хозрасчет страны, как при Сталине, а хозрасчет отдельного предприятия... Косвенным доказательством данного предположения может служить появление в США движения «Остановить Глушкова», критика ОГАС будущими горбачевскими «идеологическими экономистами» Е. Ясиным и Б. Мильнером, появление Либермана на обложке журнала «Time».

Социальный раскол и российская военная история

А. Л. Стризов,

доктор философских наук, профессор

После появления работ А. С. Ахиезера объяснение коллизий отечественной истории на основе идеи раскола общества стало весьма распространённым. Автор обсуждаемой нами статьи рассуждает аналогичным образом, иллюстрируя роль раскола в российской истории на примере её военно-исторического аспекта.

Прежде чем рассматривать частные вопросы, обсуждаемые в статье, попытаемся определить сущность самого понятия «раскол» как инструмента историко-теоретического и историко-социологического анализа. Тот факт, что раскол охватывает различные стороны общественной жизни России, не подлежит сомнению. Е. В. Воейков на это справедливо указывает. Отсюда следует, что глубина раскола не может быть описана отдельными экономическими или политическими проявлениями, а предполагается использование комплексных, интегративных идей и концептов.

Обратимся к мнению Н. А. Бердяева, которое, как нам кажется, приближается в обозначенному нами подходу: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу – крестьянству, воспринимавшему как мир другой расы, иностранцев» [1, с. 111]. Философ указывает здесь на социокультурный характер раскола, затрагивающий, все проявления материальной и духовной культуры и потому тотальный. Из этой тотальности вытекает и неспособность сторон (в обычных, не чрезвычайных условиях) к поиску «золотой середины», компромиссной позиции, объединяющего их начала. Из этой тотальности вырастает и нигилизм, и связанное с ним насилие в отрицании и разрушении враждебного мира.

Однако, как показывает российский исторический опыт, мера тотальности, её масштабы и в пространстве и времени, могут быть различны. Прежде всего речь идёт об объединяющих общество ценностях, непосредственно связанных с самосохранением страны и её народа. Инструментом такого самосохранения выступал в первую очередь институт государства с его способностью быть защитником и гарантом независимости, патроном, олицетворением силы и справедливости. Другие ценности, в тот или иной исторический момент непосредственно связанные с государством, получали в народном сознании устойчивую легитимацию. Российская армия, как социальный институт, и освящаемый ею военно-державный патриотизм принадлежат к их числу.

Важно иметь в виду, что на региональном и локальном уровнях интересы «верхов» и «низов» в отдельных случаях могли сближаться или

совпадать, временно объединяя объективно противоположные стороны. Очевидно также, что объективно неизбежные процессы индустриальной модернизации начиная с середины XIX в. способствовали постепенному сокращению тотальности социокультурного раскола российского общества. Этому благоприятствовали, хотя и медленный, но рост образовательного и культурного уровня населения, процессы урбанизации, развитие средств коммуникации. Переход к индустриальной фазе развития активизировал работу «лифтов» социальной мобильности, которые существовали и в доиндустриальный период. Таким образом, ослабление или усиление раскола общества зависело от множества факторов, имеющих разную природу. В свою очередь, влияние состояния и характера отношений между классами и сословиями на иные процессы, происходящие в обществе, не было прямым, механистически жёстким, оно наталкивалось на инерцию традиций и особенности отдельных социальных организаций (институтов).

Влияние гражданских социальных конфликтов или консенсуса на армию и её действия во время войны опосредовано как особенностями армейской жизни и военной службы, так и спецификой воюющей армии, ходом военных действий, всей организацией фронта и тыла. Морально-психологическая атмосфера в воинских коллективах, настроения солдат и офицеров не могут быть описаны бинарной оппозицией «массовый героизм» – «дезертирство и предательство». Трудно согласиться с мнением Е. В. Воейкова о том, что «применительно к войнам низкая степень раскола в обществе находит внешнее проявление в массовом героизме. Высокий уровень раскола в военных конфликтах с внешним противником выражается в преобладающей пассивности основной массы военнослужащих, выполняющих свой долг только «от сих до сих»» (С. 146). В военной повседневности большинство солдат следует за своими командирами или неформальными лидерами из своей среды.

Представляется, что термин «массовый героизм» является порождением пропаганды и популяризации военной истории. Состояния массового боевого порыва и подъёма духа можно наблюдать лишь в отдельных эпизодах, ключевых моментах боёв на отдельных участках фронта. Героизм и осознанное самопожертвование присущи отдельным личностям, обладающими смелостью, волей, способностью к мобилизации. Высокий уровень раскола в гражданской сфере может оказать своё деструктивное воздействие, если в действующей армии уже подорваны основы воинской дисциплины, поколеблен авторитет офицерского корпуса, нарушена система управления. Проявляется это в идеологизации и политизации армии, в различных формах нарушения воинской дисциплины: от саботажа

до дезертирства военнослужащих. Поскольку армия в большей или меньшей мере отделена как от сословно-классового, так и от гражданского общества, она обладает иммунитетом к внешним, особенно политическим, влияниям, стремится силой своей организации и традиций минимизировать и пресекать их. Именно поэтому власти часто испытывают соблазн возлагать на армию полицейские функции. Автор статьи «спрямил» и тем самым упростил воздействие социального раскола на состояние воюющей армии.

Есть в статье и другой пример «спрямляющего» упрощения. Речь идёт о формах проявления раскола: «...обращает на себя внимание, – пишет Е. В. Воейков, – что многолетнее кровавое противостояние красных и белых – это та же самая теоретическая дискуссия западников и славянофилов о путях развития российского общества и государства» (С. 145). Чуть дальше одним из проявлений раскола автор видит «спор о путях развития России: от “спора о вере” в ходе раскола XVII в. через дискуссии западников и славянофилов в XIX в. до референдума о сохранении СССР» (С. 145).

Во-первых, здесь, по сути дела, отождествляются военно-политическое противоборство с идеологическим. При всей противоположности позиций участников этих конфликтов жесточечность и взаимоистребление одних не идут ни в какое сравнение с интеллектуальными «сражениями» и полемическим запалом других. Это принципиально разные «матери» с разными законами внутренней драматургии. Если в первом случае шла речь об изменении реального социально-экономического и политического порядка, то во втором – о способах идеологического обоснования смены устаревшего порядка и форме его буржуазно-либеральных преобразований. Кстати заметим, что по политическим вопросам споров между западниками и славянофилами не было, поскольку обе стороны «сходились (исходя из разных посылок) в едином желании отмены крепостного права, распространения народного образования, свободы печати» [2, с. 172].

Во-вторых, социально-культурный раскол – это раскол интересов, традиций, ценностных ориентиров массового и элитарного сознания и поведения. Этот раскол охватывает культурный мир публичных и повседневных практик людей. Споры о вере и путях развития страны – это споры мировоззренческо-идеологического характера, которые (как доказала, кстати, печальная судьба референдума о судьбе СССР), далеко не всегда прямо согласуются или противоречат воле действующих субъектов истории. Их динамика, то разгорающаяся, то затухающая, связана не только с законами бытия, но и с индивидуальными особенностями мышления и ценностей, с имманентными традициями развития

разных сфер общественного сознания. В силу этого обоснование одной и той же социально-экономической или политической программы возможно при помощи разных идей, концептов и доктрин.

Сказанное позволяет подчеркнуть: социокультурный раскол проявляется прежде всего в социальных практиках людей, в характере и состоянии общественных отношений, не будучи жестко и однозначно связанным с духовной жизнью общества, с остротой развёртывающихся в ней противоречий. Его влияние на разные социальные явления и процессы опосредовано и нелинейно.

В своей статье Е. В. Воейков рассматривает ряд эпизодов российской военной истории. Несомненно, что по масштабу ведения военных действий, степени мобилизации человеческих и материальных ресурсов, влиянию народа на их ход и результат можно выделить Отечественную войну 1812 г. и Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Однако и в этих случаях их народный характер не может быть представлен как массовый стихийный порыв и спонтанная народная инициатива, будь то помощь действующей армии или развёртывание партизанского движения. Работы российских историков последних лет показали как роль представителей власти и управления в организации и направлении народной инициативы, так и неоднозначность реакции народных масс на реалии войны. Так, А. И. Попов, отмечая, что всенародная борьба с Наполеоном и партизанское движение были инициированы Александром I и Барклаем-де-Толли, указывает на случаи, когда крестьянская «инициатива» проявлялась лишь в том, чтобы разграбить (иногда вместе с французами) имение помещика и отказаться работать на него [3, с. 706]. «В случаях ослабления дворянской администрации, – пишет А. И. Попов, – крестьяне более или менее вынуждено вставали на путь сотрудничества с противником» [3, с. 707]. Аналогичным образом народный характер партизанской борьбы с фашизмом стал следствием инициативы и организации, проявленной партийно-советскими работниками, сотрудниками НКВД и офицерами-окруженцами [4]. В то же время сегодня достоянием гласности и предметом исторического анализа становятся факты сотрудничества с врагом определенной части советских людей.

В заключение остановимся на событиях Крымской войны, которые анализирует Е. В. Воейков. Он полагает, что «сложившийся в научной и учебной литературе стереотип о военнотехническом превосходстве англо-французских войск над русскими, как причина поражения России в войне, при ближайшем рассмотрении оказывается не более чем мифом» (С. 147). Далее автор касается отдельных фактов такого превосходства: нарезного стрелкового оружия

и парового флота. Однако эти факты следует рассматривать не сами по себе, а в контексте общей системы организации тыла, снабжения, транспорта, комплектования армии и управления ею. Здесь преимущество союзников очевидно и общепризнано. Раскол российского общества и его негативное влияние на русскую армию, что имело место, также необходимо рассматривать в совокупности со всеми сторонами организации военной экономики, тыла и снабжения армии, организации и управления войсками.

Системный кризис николаевской России в этих сферах не вызывает сомнений. Именно на него и наложился социокультурный раскол, дав столь значительный негативный, в том числе морально-психологический, резонанс. Лев Толстой, участвовавший в обороне Севастополя, «после встречи с английскими и французскими ранеными пишет в своём дневнике, что каждый из этих солдат горд своим положением, осознаёт свою ценность для собственной армии, у них есть чувство собственного достоинства; он имеет хорошее оружие и он знает, как им пользоваться... А у русских: бессмысленная муштра, негодное оружие, плохое обхождение, всеобщее невежество, ужасающая гигиена и питание; всё это гасит последнюю искру гордости в человеке и даже даёт ему посредством сравнения, излишне высокое представление о противнике» [5, с. 176].

Социокультурный раскол общества ослабляет его шансы на победу над внешним врагом, но фатально её не исключает, как не исключает проявления героизма, патриотизма и самопожертвования в воюющей армии. Если попытаться выделить комплекс внутренних факторов, влияющих на исход войн и внешних столкновений, то среди них можно назвать, во-первых, цивилизационный (экономико-технологический) потенциал; баланс социокультурных конфликтов и консенсуса внутри общества; а также состояние военно-политической элиты, её способность и готовность отстаивать национально-государственные интересы.

Предложенная в статье Е. В. Воейкова объяснительная схема интересна, побуждает к размышлениям и дискуссии, но по своему дискурсу, как представляется, принадлежит к тому типу историографии, которую В. В. Согрин называет «пропагандистской» [6]. Если вектор профессиональной, научной историографии ориентирован на поиск истины, то пропагандистская, превращая многомерный научный факт в однонаправленный аргумент, стремится исключительно к убедительности позиции. Решение этих задач часто необходимо и полезно для общества, а потому сегодня пропагандистская историография является одним из факторов, формирующих массовое сознание россиян.

К вопросу о дискуссии по поводу феномена «раскола»

Е. И. Демидова,
доктор исторических наук, профессор

Статья Е. В. Воейкова носит полемический характер и посвящена актуальным аспектам очень острой проблемы единства российского общества, влияния его на ход военных конфликтов и целостности страны в кризисных ситуациях. Автор выделяет исторически сложившиеся «векторы» раскола в российском обществе. Сразу оговорюсь, что не согласна с применением понятия «вектор». В точных науках, математике и физике вектор – это направленный отрезок, величина, которая характеризуется численным значением и направлением. Историки применяют данное понятие в переносном значении, понимая под вектором направление, цель развития какого-либо процесса, явления, деятельности. Шесть обозначенных автором «векторов» раскола – это все-таки проявления раскола, так как речь идет не только о направленности процессов, сколько об их сущностном содержании.

Общество – сложная, многоуровневая система, продукт многовековой совокупной деятельности людей. Естественно, что оно неоднородно, структурировано, между людьми всегда есть противоречия, которые имеют как объективные, так и субъективные причины. Степень проявления противоречий различна и раскол крайне тяжелое их проявление. Как представляется, социальный раскол это – процесс разрушения, в результате которого теряется целостность, единство, способность действовать вместе, когда происходит расчленение, нарушение внутреннего единства общества. Поэтому реформа патриарха Никона для нас – это не что-то далекое и непонятное, а буквально из вчерашнего дня. По мнению Е. В. Воейкова, «раскол как проявление скрытого или перешедшего в острую фазу конфликта различных социальных групп на основе трудно-разрешимых противоречий является постоянно действующим фактором российского исторического процесса» (С. 145). Отсюда неизбежно следует вывод: а может, расколотость – это вообще наша нормальность и есть? Думаю нет, это не нормальность.

Критический момент в развитии системы иными словами можно назвать точкой бифуркации, когда она переходит из одного качественно-го состояния в другое. В историческом процессе всегда есть точки бифуркации, «моменты истины», которые делят историю на «до» и «после». Они могут затрагивать общество в целом, отдельную подсистему или социальный институт. В «расколоте» обществе точка бифуркации может стать как началом конца, так началом возрождения, модернизации. В частности, война – далеко не всегда следствие раскола, но чаще всего точка бифуркации.

Автор в статье рассматривает именно такие исторические ситуации, когда вопрос стоит о судьбе всего народа и государства. Когда необходимо «сделать то, что нужно», проявить положительное равнодушие, основанное на осознании идентичности, и готовность к служению, готовность действовать ради спасения Родины, «отложить на время разборки с властью». К сожалению, победы часто в истории нашего государства порождали «в дальнейшем слепую и непоколебимую веру как в обществе в целом, так и на уровне высшего руководства страны и командования вооружёнными силами, что Россия изначально непобедима в абсолютно любой ситуации» (С. 147).

Одной из главных социально-политических проблем сегодня является раскол как кризис идентичности, который уже внутри каждого человека, когда сердце или культурный код просит одного, а ум заставляет жить по-другому. Человек может «чувствовать себя русским», но не понимать сущности своего социокультурного мира. Пример – Татьяна Ларина, которая «порусски плохо знала, но русская душой была». Без осознания идентичности практически невозможно сформировать здоровый патриотизм как форму самореализации человека в реалиях социально-экономической дифференциации и неравенства, что и подтверждается в статье.

Серьезной проблемой является способность или неспособность любого общества к обновлению всех сфер и социальных институтов – это вопрос культуры, ценностей, иерархии приоритетов и системы отношений. В конкретном социуме либо присутствует инновационное начало, либо нет. Например, в российском обществе в конце XVII в. оно отсутствовало, как и в нулевые. Причины в каждом случае были различные, общество времён юности Петра I, было традиционным – это очень ясно показал произошедший ранее церковный раскол. Российское общество в начале XXI в. стало потребительским, где образцом для подражания стал быстрый успех приватизаторов советского богатства, а расколом стал распад СССР и его последствия.

Но у Петра I была возможность решить задачу преодоления технической отсталости с помощью внедрения западных технологий. Сегодня такой возможности нет, в условиях СВО

мы не можем позволить себе такую роскошь – импортировать технологии. То, что сегодня жизненно необходимо в экономике, в оборонной промышленности приходится создавать как на уровне научно-теоретическом, так и прикладном в темпе, задаваемом противником. Решение данной задачи требует в значительном количестве «новых» людей, «кадров специалистов», как их называли в 1920-е гг., нацеленных на результат. Важно здесь не допустить раскола, противостояния между «кадрами специалистов» и «старыми элитами», которые могут видеть в них опасных конкурентов. Важно и защитить их от общества, которое может видеть в них очередных «новых русских».

Современная война – это гонка технологических решений, с очень быстрым циклом обновления и внедрения новой техники и организационных технологий. Необходимо привлечь лучшие «умы и руки» на передовой край научно-технологической, организационной гонки, опередить противника в создании и внедрении новых решений и добиться превосходства именно в этом типе войны. Исключительно важно в этой войне защитить и сохранить наши традиционные ценности. А здесь требуется серьезная «работа над ошибками», анализ исторического опыта, выявление, где именно и в какой момент на предыдущих этапах нашего развития сделали не верно.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
2. Политическая история России / отв. ред. проф. В. В. Журавлёв. М. : Юристъ, 1998. 696 с.
3. Попов А. И. Кто был «зачинателем» народной войны в 1812 г. // Известия Самарского научного центра Российской Академии Наук. 2006. Т. 8, № 3. С. 698–710.
4. Арзамаскин Ю. Н. Советские партизаны в контексте Второй мировой войны // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 147–153.
5. Уткин А. И. Запад и Россия: история цивилизаций. М. : Гардарики, 2000. 574 с.
6. Согрин В. В. Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография // Новая и новейшая история 2018. № 1. С. 185–203.

Поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 25.12.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026